

Татьяна Каппа

ПИСАТЕЛЬ и ЦИММЕРМЕДХЕН

Истории
Антонины Найденовой

18+

Татьяна Каппа

**Истории Антонины Найденовой.
13. Писатель и циммермедхен**

«Автор»

2026

Каппа Т.

Истории Антонины Найденовой. 13. Писатель и циммермедхен /
Т. Каппа — «Автор», 2026

Известный писатель уверен, что понял про жизнь всё. Тоня в этом не уверена. Эта история о литературе, человеческом тщеславии, смешных заблуждениях и одной ночи, после которой многое становится понятнее.

© Каппа Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

В отеле «Понти»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Татьяна Каппа

Истории Антонины Найденовой.

13. Писатель и циммермедхен

В отеле «Понти»

Лифт отеля «Понти» мчал вверх. От пожилого мужчины, вошедшего вслед за Тоней, пахло чем-то незнакомым. Она бы сказала, старомодным. Незаметно повернув голову в его сторону, подрагивая ноздрями, как кошка, она несколько раз вдохнула воздух и уловила приглушенный цветочный аромат с горьковатым оттенком лаванды.

Приятный запах.

Тоня повернулась к зеркальной стене гостиничного лифта и незаметно разглядела его. Ухоженный, домашний. И почему-то кажется, что надежный. Оттого и запах приятен. С недавних пор ей стало казаться, что надежность – самая важная черта в мужчине. Это – из-за Наума. Он звонит ей из Москвы, рассказывает о переговорах с партнерами, о планах, потом переключается на интересную московскую жизнь, и Тоня скисает: у нее всё не так интересно.

– Вчера температурила...

– Держись! – заботливо говорит он.

– В отель требуются горничные...

Наум на это молчит. По-детски, как в игре, отстраняясь от партнера со слабой позицией.

Мужчина вышел на том же этаже, что и Тоня и, не спеша пошел вглубь коридора. Она пошла в другую сторону – к своей рабочей тележке.

Тележка еще не была по-настоящему ее.

Тоня работала циммермедхен в отеле «Понти» недавно. При хорошей работе, как сказала бригадирша, тележку могут закрепить за ней. Тогда уже можно будет распоряжаться ею похозяйски: не надо в конце смены заполнять ее тяжелыми стопками белья, пирамидами полотенец для сменщицы, можно оставлять в ней свои вещи.

Да и вообще, свое – это всегда хорошо!

Тоня постучала в дверь номера. Одновременно с этим следовало выкрикнуть английское слово, сообщающее о цели ее прихода:

– Ки-пинг!

Никто не отозвался. Она вставила карточку в щель электронного замка, открыла дверь и вошла.

Сначала, как учили, уборка ванной комнаты.

Пользованные полотенца – в мешок.

– Ими ванну и пол не мыть! – строго предупредила бригадирша в первый день работы.

– Окей! – кивнула Тоня: «Значит, другие моют. Наверное, удобно. Если бы не сказала, мне бы и в голову такое не пришло!»

Натянув медицинскую маску на нос, залила внутренность унитаза жидкостью с легким запахом хлорки, взяла щетку с торчащей во все стороны щетиной и вдруг уловила какое-то движение за открытой дверью ванной.

Она подошла и выглянула. В комнате был мужчина. Невысокий, широкий со спины, в коротком пальто и шляпе. Наклонившись над столом, он что-то быстро писал на листке бумаги.

– Извините, я убираю ваш номер. Если мешаю, я уйду, – как положено в таких случаях, сказала она по-немецки.

Не оборачиваясь, он поднял руку:

– Сорри!

«Не немец. Не понял, что я сказала!»

И Тоня, забыв стянуть маску, громко произнесла заветное слово:

– Хаускипинг!

Мужчина не отреагировал. Опять не понял.

«Так я лучше уйду или я лучше остаюсь?» – размышляла она, как профессор Хансен из «Осеннего марафона».

– Окей, окей... – отозвался он, продолжая писать.

«Ну раз, окей, значит я лучше остаюсь!»

Она вернулась к унитазу. Почистила его, вымыла ванну, протерла умывальник сверху и снизу, как учила бригадирша, потом прошлась шваброй по кафельному полу. Кафель засверкал.

А время шло. Мужчина не уходил.

Она присела на край ванны, прикидывая, как ей быть. Товарки уже, наверное, следующий номер заканчивают. А она еще возится с одним. А надо выполнить норму. Иначе ничего не заработаешь.

«А если он не уйдет? Что тогда делать? На каком языке у него спросить?»

И словно услышав ее вопрос, мужчина заговорил.

По-русски.

Русский!

Он говорил по телефону. Она прислушалась.

Знакомая четкая артикуляция... напряженный высокий голос... неестественно-деревянный смех. И фразы чеканит.

Господи! Да это же... Бролер!

Ее знакомый с тех, еще давних времен. Теперь писатель известный. Когда-то у него, еще не совсем известного, был «чёс» по городам и весям русскоязычной Германии. В целях экономии жил по знакомым. Остановился и у них. Вел себя как чужой на постоялом дворе.

Тоня прислушалась. Писатель с кем-то торговался, умело используя сложные для нее термины: процент с оборота, франшиза, авторское право, встреча с читателями...

«Ведь в городе книжная ярмарка, писатели понаехали!» – тут же вспомнила она. Недавно она видела их в холле гостиницы. Русские писатели держались шумными группками, перекликались через весь зал и непрерывно смеялись. – Russische Autoren! – кивнула тогда в их сторону бригадирша.

Не хватало только, чтобы Бролер ее узнал! На фиг, на фиг...

Тоня низко надвинула косынку на лоб, поплотнее подтянула маску и выскользнула в коридор к тележке.

Писатель продолжал говорить так громко и отчетливо, что ей было слышно каждое слово.

Теперь он разговаривал с кем-то другим. Наверное, давал интервью.

– Я позволю себе считать ваш вопрос комплиментом... Разрешите с вами не согласиться...

Я лъщу себя надеждой... Простите великодушно...

Херасков, да и только.

Наконец разговор закончился. В ванной зашумела вода. Потом хлопнула дверь. Тоня мельком увидела его отражение в зеркале.

Постарел. Неприлично растолстел. Если бы не сытая полнота, был бы похож на религиозного фанатика.

На протопопа Аввакума.

Писатель свое «Житие» тоже написал. Правда, в комфорте, а не в земляной тюрьме, как несчастный протопоп.

«Ну и чего ты испугалась?» – одернула она себя.

А если снять маску? Узнает или нет? В этом наряде, со шваброй в руках, ее не узнать. Он-то видел ее совсем другой.

Она стянула маску на шею, отвела косынку на затылок, поправила челку и стала ждать.

Между тем писатель оделся, перед зеркалом надел шляпу и, зажав в уголке губ небольшую тонкую сигарку, повертел головой, словно подыскивая выгодный ракурс: анфас, профиль, траукар...

Остановился на последнем, прищурил глаза и замер, как на фотографии.

Так он мог бы постоять на собственной могиле.

Отрепетировав образ и налюбовавшись собой, он чинно вышел, невнимательно кивнул ей, вежливой скибочкой растянув сжатые губы с сигаркой, и уверенно зашагал по коридору к лифту.

Не узнал.

Ну и хорошо.

Она вошла в номер и продолжила уборку.

– Ну и что ты так всполошилась? – спросила она себя. – Очень не хочется, чтобы он увидел, что у нее здесь за работа. Хотя и считается, что все работы хороши и любой труд благороден, а как-то не привыкнуть к этому.

Вот в ИКЕА работала. В ресторане. Посудомойкой. Постоянная зарплата, медицинская страховка, коллектив...

Всё, как положено. Как должно быть. Как хотелось.

Шведская еда по цвету напоминала мебель из ИКЕА. За месяц насмотрелась на зеленые, красные и черные полосы лапши тальятелле, каждый день отбрасывая их с тарелки в один бак, а недоеденного розового лосося в бежевом соусе – в другой.

Бросала и гадала: отчего лапша такая разноцветная? В зеленую добавляют шпинат, в красную – перец, морковь или свеклу, а в черную, как объяснил повар, – чернила каракатицы.

Бр-р-р...

Потом кидала в бак остатки мясных тефтелек в белом соусе, оставляя пустыми тарелки с вылизанным брусничным вареньем. Кидала и вспоминала Карлсона, его башню из кубиков, увенчанную маленькой тефтелькой.

«О, чудесные маленькие тефтели! Они пахли так восхитительно и были такие поджаристые, румяные...»

Однажды бригадирша поставила ее на «блатное» место в зале – убирать посуду со столиков. После конвейера это считалось отдыхом, маленькой наградой.

Она испугалась и отказалась.

– Почему? – удивилась бригадирша.

– А вдруг я встречу знакомых?

– Ну и что?

– Мне стыдно будет, если увидят, чем я занимаюсь! – от отчаяния проболталась она. И тут же почувствовала неловкость.

Месяц ее посудомоечной работы отметили чаепитием с коржами, устроенным бригадиршей в обеденный перерыв. Ее поздравляли. Бригадирша даже произнесла небольшую речь и пообещала личный шкафчик.

Почти посвящение в цеховое братство.

Круглые коржи с кантиком по краям напоминали опостылевшие грязные тарелки. Ей стало страшно.

И она поклялась себе найти достойную работу.

Что называется, нашла!..

Тоня содрала с матраса простыню. Натянула новую. Потом долго возилась с пододеяльником. Залезала руками внутрь его и расправляла там сбившееся одеяло.

– Всё должно быть аккуратно заправлено! – учила и показывала бригадирша. У нее это быстро и ловко получалось.

У Тони же твердое накрахмаленное постельное белье вызывало зубную боль, а у ногтей появлялись кровоточащие, незаживающие заусенцы. Она надела тонкие медицинские перчатки, за которыми перед работой пришлось съездить в раздевалку на лифте для клиентов. Хорошо, что бригадирша не видела.

Перестелив постель, включила пылесос. Потом стала протирать пыль.

На журнальном столике стоймя стояла половинка яблока. Срезанные пополам косточки каким-то чудом держались в сердцевине. Рядом лежал складной ножик с латунным крестиком на вишневой пластмассовой щечке.

Не тот ли это ножик, который послужил Бролеру поводом для ревнивого сочинения о более знаменитом собрате по перу? Известное имя дарителя ножика писатель вынес даже в заглавие.

Бережет ножичек-то!

Известного собрата уже нет.

А писатель жив. Вот его ножиком яблоки режет...

Она протерла тряпкой поверхность стола вокруг яблока и ножика.

Натюрморт напомнил ей Дали. Половинка порыжевшего яблока, нож...

С недавних пор ее стали волновать краски увядания. Вот как тогда с кольраби.

Однажды на кухне зацвела забытая в корзине кольраби. Бледно-зеленая кочерыжка пустила вверх такие же бледно-зеленые листья.

«Надо срезать листья и съесть кочерыжку, пока они все соки не выпили...» – подумала она, но делать этого не стала. А сделала рисунок акварелью и оставила кольраби на окне.

Каждый день кольраби меняла цвет и форму. Бледно-зеленые и молочно-белые оттенки уступали место другим.

Оттенкам увядания. Оттенкам тайны. И они были прекрасны.

Очень скоро листья высосали из кольраби все соки. Они умирали вместе. Крупная кочерыжка скукожилась наполовину, затвердела в мелких и частых морщинах. А сами листья, скрючившись от боли, высохли и застыли в причудливом пергаментном узоре. Навсегда. До рассыпания в прах.

От рождения до смерти – короткая жизнь...

Она закончила уборку.

Напоследок, как учили, оглядела комнату: «Всё в порядке?» – расправила аккуратными складками оконные шторы и подошла еще раз к журнальному столику. Ей вдруг захотелось перевернуть ножик. Показалось, что на обратной стороне должно быть нацарапано: «Победителю!»

Но не перевернула его, чтобы посмотреть. Вещи постояльцев трогать не полагалось.

Она закрыла дверь, отметила в своем рабочем листе время начала и окончания уборки в номере и покатила тележку к следующему, откуда сегодня утром выехали вежливые улыбчивые японцы. Она знала это, поэтому без всяких английских заклинаний открыла дверь карточкой и вошла.

Номер был чистый, как будто здесь никто не жил. Полотенца своей белизной напоминали платья весталок-девственниц. Ей нравилось фантазировать. На не примятых подушках (японцы, что – на полу спали?) лежали монеты. Чаевые? Ей? Первые чаевые в ее жизни! Раньше чаевые давала сама. Она собрала тяжеленькие монетки с подушек. Приятно.

«Аригато, милые японцы. Приезжайте еще!»

А интересно, писатель оставит что-нибудь? Вряд ли. Жадноват по жизни. Все знакомые это отмечали.

В коридоре мелькнула бригадирша. Проверяет.

На сегодня – всё.

Она сняла душную маску, потные перчатки, отметила в листе время окончания работы, расписалась и покатила свою тележку в конец коридора, в тележное «депо».

Там в своем шкафчике возилась ее товарка Штеффи.

– Подойди-ка! – выглянув, позвала она ее и, когда Тоня подошла, протянула пакет. – Держи. Мой это не пьет. Пиво пьет. А я знаю: русские любят.

Тоня приняла пакет. Заглянула. В нем была бутылка виски, не самого дорогого. Она знала эту черную с золотом этикетку, наклеенную по диагонали. «Johnnie Walker Black Label».

– Это откуда?

– После русского осталась. Он сегодня выехал. А коробку от бутылки я выбросила.

– Почему русского?

– Я его бирку в мусорке нашла. Смотри!

Тоня взяла бейджик книжной выставки.

– Да, русский. Хороший писатель. Я его «Норму» люблю.

– По телевизору «Норму» показывали.

– Это оперу показывали. Беллини.

– А-а... Мне всё равно.

– Спасибо, Штеффи! Я сейчас тоже у русского писателя в номере убиралась. Так он ничего не оставил, – продолжила Тоня разговор на профессиональную тему. – А японцы, хоть и не писатели... – потрясла она монетами в кармане.

– Писатели жадные, – подтвердила Штеффи. – Подожди, здесь вот еще... На русском, – и она протянула ворох газет и журналов. – Спрятать не забудь.

– Спасибо! Спрячу.

Тоня отправилась к своей тележке. Возникла мысль про «объедки с барского стола»: початая бутылка виски, просмотренные газеты и журналы. Но обижать Штеффи не хотелось.

Мешки с мусором надо было оставлять у дежурного лифта. Их забирали в определенное время. Из-за этого «Хераскова» («Костик, не выражайся!») не успела ко времени. Пришлось самой тащить мешки вниз, в подвальное помещение.

В кармане зазвонил телефон. Она остановилась, опустила один мешок на ступеньку, прижала коленом.

Наум. Голос бодрый, слышен шум улицы...

– Как ты там? Всё в порядке? Я сейчас на площади... пиво под обалденные шпикачки... Солнце... Я тебя обязательно свожу сюда...

– Получается что-то? – с надеждой крикнула она, но в телефоне уже гудела космическая пустота... «У-у-у-у-у-у...»

– Ал-о-о!.. – крикнула в нее Тоня, но космос не отозвался.

Потом, стоя на железной лестнице, она смотрела вниз на пеструю зловонную мешанину, с утробным чавканьем сжимаемую автоматическими прессами.

Как будто неведомый организм заглатывал и переваривал отходы людской жизнедеятельности – фантастическое существо с механическим стуком сердца:

Бум-бам-бум...

Сколько же мы производим дерьма!

А сколько его внутри нас?

И носим с собой всю жизнь.

«Душа – не жопа, высрать не может!» – сказала одна актриса.

Грубо, но верно.

А если бы могла?

Чего было бы больше и что оказалось бы зловоннее?

Побросав мешки в мусорную утробу, Тоня пошла в дежурную комнату отдать рабочий лист.

– Что это у тебя? – увидев окровавленные заусенцы, спросила бригадирша Хайди.

– Это из-за постельного белья. Жесткое очень из-за крахмала, – пожаловалась Тоня.

– Ничего не испачкала? Проверять не надо?

– Нет, я перчатки надела.

– Смотри! Всё должно быть в порядке! Если будут жалобы, то будут штрафы, – бригадирша говорила ей, как иностранке, коротко и доходчиво. Потом спросила: – А ты кто по профессии?

– Учительница.

– Не музыки?

– Нет.

– А то здесь одна работала. Учительница музыки. Из Москвы. Вот с такими пальцами, – засмеялась Хайди, кивнув на торчащие из стакана карандаши и подбодрила:

– Если будешь выполнять норму, закреплю за тобой Wagen.

Выйдя от бригадирши, Тоня зашагала по коридору и громко продекламировала:

"С утра садимся мы в телегу;

Мы рады голову сломать..."

– Was? – остановился шедший навстречу мужчина в рабочем комбинезоне.

– Капуста и квас! – засмелась Тоня. – Man hat mir eigenen Wagen versprochen!

– Das ist ja toll! – понимающе кивнул мужчина и пошел дальше.

В трамвае Тоня достала из сумки газеты, что дала ей Штеффи.

Пробежала глазами по заголовкам. Репортажи с книжной ярмарки, интервью... А вот и интервью писателя.

«Я видел голых баб и мужиков, когда Виктюк ставил в театре гоголевского «Ревизора». Где «Ревизор», а где голые бабы с мужиками, когда у Городничихи выпрыгивает бюст арбузного размера? Причем здесь Гоголь? При чем здесь театр?...» – гневно вопрошал писатель с газетной страницы.

– Виктюк? «Ревизор»? – стала вспоминать Тоня. Она видела этот спектакль. Это было в начале перестройки. Писатель ради красного словца пнул хорошего режиссера из Минска. Валерия Раевского. Это он, а не Виктюк поставил «Ревизора». Сильный и странный спектакль. Его обсуждали. И вовсе не из-за того, что запомнил из него писатель. Наверное, бюст арбузного размера – его подсознательная мечта.

Режиссер искал мистический смысл в пьесе. После немой сцены Городничий и чиновники опускались на колени. Загорались маковки церкви и свечи. В это время звучала сцена смерти царя Бориса в исполнении Шалапина. Церковь затемнялась, и раздавался разбойничий свист. Финал. Такой пророческий. Тогда все пытались быть пророками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.